

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УРГЕНЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЬ-ХОРЕЗМИ**

Кафедра «Русского языка и литературы»

Специальность: 5220100 – «Славянская (русская) филология»

**ИДЕЙНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ РОЛЬ
ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ
М.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»**

ВЫПУСКНОЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Багдасарян Сабини -

**студентки 4 курса
отделения славянской
(русской) филологии
факультета филологии**

Научный руководитель:

**Рузимбаев Х.С., кандидат
филологических наук, доцент**

Ургенч – 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3 - 6	
ГЛАВА I ИДЕЙНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ РОЛЬ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ М.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»		6 - 19
1.1. СИСТЕМА ОБРАЗОВ КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИДЕЙНО- КОМПОЗИЦИОННУЮ ОСНОВУ ПРОИЗВЕДЕНИЯ		
ГЛАВА II ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ МОРАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЕВ		20 - 51
2.1.Ильинична как воплощение материнства		
2.2.Дарья Мелехова. Трагедия ее бесплодной жизни		
2.3.ПРЕКРАСНОЕ И НРАВСТВЕННОЕ В ОБРАЗЕ НАТАЛЬИ МЕЛЕХОВОЙ		
2.4.Аксинья – тип настоящей русской женщины		
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52-54	
БИБЛИОГРАФИЯ	55-56	

ВВЕДЕНИЕ

Перспективы нашего общества и уровень развития поколения имеют непосредственное отношение к воспитанию и обучению. В настоящее время приоритетным направлением в нашей стране становится воспитание гармонично развитого поколения, развитие его общей культуры, уровня самостоятельного мышления, всестороннее воспитание личности человека, формирование в молодежи принципов патриотизма, независимости и чувства преданности идеалам демократии. «Все мы осознаём, что достижение поставленных сегодня перед нами великих целей, благородных устремлений, обновления общества эффект и судьба наших реформ, осуществляемых во имя прогресса и будущего, результаты наших намерений - всё это неразрывно связано, прежде всего, с проблемой подготовки высококвалифицированных, сознательных кадров, специалистов отвечающих требованиям времени».¹

В этом отношении трудно переоценить значение художественной литературы, которая является своеобразным «учебником жизни». Ее образы служат для молодых людей образцами подражания, отсюда черпают они свои первые уроки нравственности.

Разные судьбы, разные образы представлены на страницах художественной литературы, публицистики, в живописи, скульптуре, на киноэкране. Образ женщины реальной и созданной воображением творца можно обнаружить во всех жанрах и видах художественного творчества: от фольклора до самых современных проявлений культурной мысли. По мнению С.Н.Булгакова, «всякий подлинный художник есть воистину рыцарь

---

¹ Каримов И.А. Гармонично развитое поколение - основа прогресса Узбекистана. - Ташкент, 1997. - С. 4.

² Булгаков С.Н. Жизнь и творчество М.Шолохова. - М., 1980. - С. 15.

Прекрасной Дамы»². В русской культуре женщина предстает в самых различных ипостасях. То в виде древнеязыческого божества, нередко в роли воительницы, мстительницы, носительницы зла и доброй чаровницы. Богородицы, Царь-девицы, сестры, подруги, соперницы, невесты и т.д. Ее образ бывает прекрасным и безобразным, чарующим и отталкивающим.

Ушли в прошлое идеалы, освященные православием, навеянные Пушкиным, Толстым, Тургеневым, Достоевским. Розановым. В частности, Василий Розанов писал: «Как героизм в мужчине, конечно, есть добродетель, – так главная добродетель в женщине, "семьянинке и домоводке". Матери и жене, есть изящество манер, миловидность (другое, чем красота) лица. Рост небольшой, но округлый, сложение тела нежное, неугловатое, ум проникновенно-сладкий, душа добрая и ласковая. Это те, которых помнят, те, которые нужны человеку, обществу, нации. Те, которые угодны Богу и которых Бог избрал для продолжения и поддержания любимого своего рода человеческого».

Целью выпускной квалификационной работы является раскрытие идейно-композиционной сущности женских образов в структуре романа Шолохова «Тихий Дон», анализ способов и приемов создания писателем сложного макрообраза русской женщины, состоящего из множества различных по характеру и темпераменту женских образов, органично слитых воедино опытной рукой мастера поэтического слова.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что здесь на научно-теоретической основе, опираясь на достижения современного литературоведения, предпринята попытка анализа, с точки зрения моральной оценки, героев романа «Тихий Дон», и раскрытия на этой основе идейно-композиционной сущности женских образов в структуре произведения, сопоставляются разные образы героев, рассматривается, как развивается характер героев в ситуации бурных перемен.

Новизна квалификационной работы определяется наличием в ней новых фактов, которые лишь недавно стали достоянием широкой общественности, и теоретических обобщений, наглядным образом раскрывающих суть данного исследования.

Предметом исследования послужили многочисленные образы русских женщин из структуры романа Шолохова «Тихий Дон», занимающих важное место в общем развитии действия и течении событий в произведении.

Объектом исследования является система женских образов писателя, посредством которой мастер добивается необходимого художественного эффекта, передает свое поэтическое видение окружающей действительности. Материалы исследования могут быть использованы в курсе лекций по истории русской литературы XX века, а также при подготовке докладов, рефератов, курсовых работ.

ГЛАВА I ИДЕЙНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ РОЛЬ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ М.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

1.1. Система образов как фактор, определяющий идейно-композиционную основу произведения

«Тихий Дон» не зря называют романом-эпопеей: события, развернутые в нем широкомасштабны, в произведении действуют более шестисот персонажей, которые помогают нам глубже понять и вернее оценить сложный образ человека из народа, мучительно ищущего свое место в революции...».¹

Стремление к лучшей жизни всегда вынуждало людей искать истинную, «всамделишную» правду — об этих поисках и рассказывает нам роман. Но все дело в том, что истина многогранна, и часто люди не могут узнать ее, чуть принарядившуюся или изменившую облик. Так и сходятся двое, говорят об одном и том же, а расходятся врагами. Это очень хорошо показано в романе.

Шолохов, несомненно, хорошо знал многие стороны жизни Донского края. Он знал множество смешных и трагических донских историй, хорошо знал донской фольклор, часто пел донские казачьи песни. Талант Шолохова неоглядно многогранен. Изображая человека из глубинных слоев народа, раскрывая его жизнь во всей сложности и полноте, писатель с одинаковой художественной мощью создает трагические и комические характеры, проникает в тайны жизни и смерти, уходит в глубину внутреннего мира человека и разворачивает широкую картину событий и обстоятельств его внешней жизни. Ему доступны и думы зрелого мужа, и глубочайшие женские переживания, и мир детей. Ни одного сомнения в достоверности изображенного не возникает у нас, когда мы следим за развитием многообразнейших чувств и мыслей героев его произведений.

Семья Мелеховых открывает эпопею и заканчивает ее. Это типичная

---

¹ Круглов Ю. Великий писатель Земли русской. // Слово. 2000. №4. - С.13.

семья казаков-тружеников. Самостоятельность, смелость, решительность, безграничное трудолюбие и практичность, глубину и нежность большого чувства, даже пренебрежение традициями, переполнявшими жизнь, раскрывает Шолохов в истории о происхождении рода Мелеховых.

Михаил Александрович Шолохов обладает замечательным искусством характеристики героев. Причём его мастерство состоит в том, что он многое заставляет додумывать читателя, не навязывая ему готовых выводов и решений.

«Тихий Дон» поражает гармоничностью и завершённой глав, каждой в отдельности и тома в целом. Начинается ли глава авторским описанием, внутренним монологом героя, диалогом действующих лиц, все её нити стягиваются к особой форме психологического анализа, выступающего неизменно в виде несобственно-прямой речи.

Шолохов – еще и мастер диалога, монолога. Речь его персонажей отражает особенности из жизненного уклада, среды, характеров.

Шолохов создал широкое повествование, вобравшее в себя множество индивидуальных судеб, неповторимых характеров, насыщенное массовыми сценами. Сохраняя широту изображения, многосторонность охвата явлений действительности, Шолохов раскрывает внутренний мир человека.

Эпопея Шолохова состоит из четырёх книг – восьми частей.

В первых частях «Тихого Дона» показано классовое расслоение казачества, различное положение таких семей, как Мелеховы, Астаховы, Коршуновы, Кошечевы. Наряду с представителями бедняцкого и зажиточного казачества здесь изображены и выходцы из рабочей среды, станичная интеллигенция, студенты, казаки - офицеры. Действие начальных глав развивается медленно, ибо внимание автора сосредоточено на тщательном, порой этнографически точном описании быта казацкого хутора. И охват событий здесь ограничен (в первых двух частях) преимущественно жизнью хутора Татарского и поместья Ягодного. Вслед за писателем мы идём в станицу, на Майдан, на баз, переступаем порог

куренья из самана, видим утварь, одежду, домашнее убранство; в лугах мы наблюдаем косьбу в поле-пахоту, уборку хлеба, на гумне – молотьбу, на Дону – рыбную ловлю, глухой осенью присутствуем на свадьбе, в праздники на вечеринках. Мы всё более убеждаемся, как туго сколоченный столетний уклад жизни цепко держит казака в плену сословных традиций и предрассудков.

Первая часть «Тихого Дона» широко рисует этот уклад жизни казачьего дореволюционного хутора. Начинается она рассказом о дикой расправе над турчанкой, женой Прокофия Мелехова, и заканчивается сценой сватовства Натальи Коршуновой. Узок здесь круг действующих лиц; члены семьи Мелеховы и Коршуновы, Аксинья и Степан.

В центре - отношения Аксиньи и Григория Мелехова, точнее «бунт» Аксиньи, духовная драма героини, восставшей против окружающего мира тупости и жестокости. Этот протест против дикости нравов служит основой драматического конфликта.

Характер Аксиньи формируется под влиянием невыносимых условий жизни и страданий, на которую обрекают эту женщину условия. «В оценке поведения Аксиньи, - утверждал Шолохов, - может идти речь о протесте домостроевских традиций, а о протесте исторических пережитков в отношении к женщине, против жёсткости казачьих нравов». Шолохов подчёркивает, что домостроевщина в казацкой семье, по сравнению с русской семьёй, была значительно слабее, но хотя казачка имела больше самостоятельности, чем русская крестьянка, исторические пережитки к женщине и жестокости казачьих нравов толкали её на стихийный протест.

Построение первой части романа-эпопеи основано на противопоставлении Аксиньи, её цельной и сильной натуры, и Григория с его психологической неустойчивостью. Аксинья - один из обаятельных женских образов русской литературы. Смелая, гордая и красивая, она готова идти до конца в своём протесте, отстаивая своё право на любовь и счастья. Её энергичный характер, закалённый в испытаниях и бедах,

открыт для «преступной» любви для исступлённой и ненасытной страсти. Во имя «поздней горькой любви» героиня может решиться на всё и ко всему готова.

Аксинья является не только композиционным, но и эмоциональным центром повествования в первой части. К ней тяготеют все другие образы, в том числе образ Степана, жестоко расправляющегося с Аксиньей за её измену, и Григория, человека ей близкого, но всё более и более отходящего от неё под влиянием отца и всего патриархального, ханжеского бытового уклада.

Произведение большого эпического искусства вбирает в себя и мало связанные с его основной линией сюжетные ходы, и наличие их вполне оправдано. Эпический писатель не может не чувствовать необходимости изображать условия жизни, взятые по всей ширине. Эпизодических сцен, на первый взгляд мало связанных с главной темой, а на самом деле вытекающих из необходимости охватить действительность во всей полноте, в «Тихом Доне» великое множество. Но ввод их в каждом случае они мотивирован: они важны с точки зрения «дали романа», его глубины и перспективы.

Одна из особенностей композиционного построения произведения высокого эпоса - обязательность подробно разработанных вводных ситуаций со всеми его конфликтами и противоречиями.

Ясному и глубокому замыслу подчинена композиция «Тихого Дона». Лирические описания, развёрнутые диалоги, дневники, письма, приказы, исторические документы, многообразие действующих лиц, главных и эпизодических - всё это художественно выражает основную цель романа: люди, трудящиеся массы и конечно любовь, без которой нельзя прожить в любое время.

Разрешение основных конфликтов произведения при трагическом завершении сюжета выражает композиционное искусство Шолохова, показавшего противоречивые судьбы героев как участников всемирно-

исторических событий, дела людей, в муках и крови завоевавших право строить новую жизнь.

Тема шолоховского романа - семья, простой человек в водовороте исторических событий. Впервые в русской литературе в «большом жанре» - романе - люди из народа оказались не среди второстепенных персонажей, а в самом центре. Каждый из характеров, изображенных М.Шолоховым, несёт в себе ту неповторимость, которая составляет разнообразие и богатство человеческого мира.

Женские образы романа - это воплощение единства народной жизни, отражение философского осмысления гармонии мира и человека. В романе «Тихий Дон» слились воедино многочисленные реки и ручейки русского национального мироощущения, которое зародилось в древности, расцвело в классический период русской культуры и во многом исчерпало себя в XX веке.

Важнейшим показателем качества духовной жизни (не только сообщества в целом, но и отдельного человека) является, по общему признанию, эмоционально-чувственная сторона отношений между мужчиной и женщиной. Причём «напряжённая диалектическая взаимосвязь» чувственного и духовного в культуре наилучшим образом выражается через женские характеры, их любовные переживания поступки, что часто используется авторами художественных творений для развязки или обострения различных коллизий в межчеловеческих отношениях. Поэтому особое место занимает в романе его любовная линия.

Одной из сюжетобразующих линий (если не главной) является развитие взаимоотношений Григория Мелехова с двумя женщинами - Аксиньей и Натальей. Любовная линия романа определяет не только сюжет, но и направление развития характеров героев, их внутреннюю жизнь.

Любовь Григория и Аксины, жены соседа - казака Степана, по всем общепринятым нормам, грех, блуд. В самом начале их отношения Григорий и сам также воспринимает свои с ней отношения, однако со временем это восприятие меняется, и он уходит к Аксины из собственной семьи. Отношения их трудно назвать иначе, чем страсть к счастью и жизни каждого во имя другого: Аксины теряет дочь, Григорий - жену, однако никто из них из них не пытается обвинить другого в происходящем, но очищается в этой горе и возрождается к новой любви.

Все женщины, которые прошли через жизнь Григория Мелехова: мать Ильинична, Дуняша, Дарья, Наталья и Аксины – все они оставили след в его судьбе. Григорий каждую любил по-своему. Ильинична научила его жить, она его мать. Дуняша, его сестра, она только начинает свой жизненный путь, и Григорий ей помогает. Но именно на Дуняшиных руках оставшийся дом и дети Григория. И на ее долю выпадают трудные годы разорения казачьей жизни. Дарья просто тот человек, который живет в одном доме с Григорием и он учит ее уму-разуму. Наталья любит Григория всем сердцем, родила ему детей, а самое главное сына, казака. Аксины наполняет жизнь Григория своей страстной любовью.

Заключительная книга «Тихого Дона» пронизана мотивами вины, покаяния и смирения. После смерти Натальи и Ильиничны хозяйкой мелеховского куреня становится Дуняша, ей предстоит примирить в одном доме героев-антагонистов: Мелехова и Кошевого. Дуняша – особенно привлекательный женский образ в романе. В смутное время даже Наталья не удержалась от страшного поступка, погубив дитя в чреве, Дуняша же лишена пагубных разрушительных страстей. Не случайно ее сравнение в романе с лазоревым цветком – поэтическим символом красоты донской степи. В ее образе оживают черты Ярославны, плачущей о непутевом муже и несчастном брате, одинаково дорогим ее сердцу.

Судьбы Аксиньи и Натальи зависимы одна от другой. Получается так, что если счастлива одна, то несчастна другая. Шолохов изобразил любовный треугольник, который существовал во все времена.

Наталья любила своего мужа всей душой: «...жила, возвращая бессознательную надежду на возвращение мужа, опираясь на нее надломленным духом. Она ничего не писала Григорию, но не было в семье человека, кто бы с такой тоской и болью ожидал от него письма».

Эта нежная и хрупкая женщина приняла на себя всю меру страдания, отпущенного жизнью. Она желала сделать все для сохранения семьи. Ильиничну и Наталью объединяет мудрое спокойствие хранительниц семейного очага, продолжательниц рода, глубоко запрятанная способность к напряжённой духовной жизни. Впервые описывая «дюже красивую» Наташу, Шолохов отметит её смелые серые глаза, смущённую и смелую улыбку, бесхитростный правдивый взгляд и – что не раз будет подчёркнуто в дальнейшем – «большие, раздавленные работой руки». С годами Наталья слегка раздаётся, как и положено матери двух детей, но автор, рассматривая её глазами Григория, вновь подчёркивает ладность, степенность её фигуры и «широкую рабочую спину». В дом Мелеховых Наталья вошла, покорив Ильиничну своим трудолюбием (чего не было у другой невестки – Дарьи). Впрочем, и сама Ильинична обладает теми же, что и Наталья, качествами.

Долготерпение и однолюбие отличают Наталью. Русская стеснительность и целомудрие не позволили ей даже поцеловаться с любимым до свадьбы. Её отношения с мужем в первый год после свадьбы писатель сравнивает со снегом – так холодна и медлительна её любовь, так глубоко скрыты её чувства. И лишь с рождением детей она стала увереннее, «расцвела и похорошела диковинно», лицо «радостно зарумянилось», и любовь её стала согревающей. Великое чувство любви к мужу, «взволнованную радость» от общения с ним пронесла Наталья через всю жизнь, вызывая этим зависть легкомысленной Дарьи и уважение Ильиничны

и Дуняши. Болезнь и последующее выздоровление довершили процесс её становления. Теперь мир раскрылся ей во всей красоте и во всём чуде, и сама она раскрылась ему так, что её «огромные глаза лучились сияющей, трепетной теплотой...». Любовь к мужу в художественном мире Шолохова неразрывна с материнством.

Великое чувство материнства заложено и в Ильиничне, до последнего своего дня ждавшей младшего сына, ежедневно готовила для него еду (вдруг придет), ежедневно выходила встречать его за околицу. Чувство материнской любви заставляет обеих женщин осудить насилие и жестокость, мать делает напутствие сыну не забывать Бога, помнить, что и у противников где – то остались дети. Сурово осуждает Ильинична Дарью за убийство. По этой же причине отказывает от дома супостату – убийце Митьке Коршунову. И Наталья после убийства Митькой семьи Кошевых говорит: «Я за брата не стою». Сердце русской женщины – матери столь отходчиво, что Ильинична, ненавидя убийцу своего старшего сына Мишку Кошевого, порой испытывает и к нему материнскую жалость, то, посылая ему дерюжку, чтобы не мёрз, то, штопая одежду. Ненависть настолько чужда Ильиничне, что она единственный раз разгневалась на невестку за то, что она призвала небесные кары на голову мужа – изменника. И не просто разгневалась, но и заставила Наталью покаяться. Урок не прошёл даром. Наталья по воле писателя и в полном соответствии с особенностями своей натуры «простила Григорию всё... и вспоминала о нём до последней минуты». В этой удивительной мягкой и доброй натуре, подчёркивает Шолохов, вместе с тем существовала внутренняя гордость и способность к самым глубоким чувствам. Подобно тому, как «твёрдая старуха» Ильинична «слезинки не выронила», узнав о смерти мужа, Наталья «ни слова упрёка» не бросила Григорию, прослышав о его поведении в походе, а лишь сурово молчала. О силе переживания Натальи, о её гордости говорят не слова, а поступки: первый раз попытка самоубийства, во второй – нежелание не любимой Григорием иметь от него ребёнка.

Аксинья – почти полная противоположность Наталье. Если корни Натальи уходят к фольклорной Василисе Премудрой, к Домострою и пушкинской Татьяне Лариной, то характер Аксиньи близок героиням Достоевского. Она – воплощение порыва, непосредственной жизни, протеста. Как отмечал один из шолоховцев Васильев, Наталья оттеняет созидательные, патриархальные устои Григория, Аксинья – его стремление к изменению жизни, его неуспокоенность и максимализм (чрезмерность, крайность в каких – либо требованиях, взглядах). Шолохов ценит в Аксинье цельность чувств, активное стремление к счастью. В романе не раз подчёркивается, что любовь Аксиньи не разврат, она «больше, чем позорная связь», она – глубокое чувство, бросающее вызов родовым понятиям, утверждающее личную свободу человека. Любовь к Грише, как говорит сама Аксинья, это и её месть за жизнь в заточении у Степана, за высушенное сердце. Это и не страстнее, чем у Катерины из «Грозы» Островского. Желание «за всю жизнь горькую отлюбить», и выход из одиночества. Неистовость любви Аксиньи подчёркивается в романе тем, что почти все сцены свиданий происходят на фоне буйно цветущей природы (у Дона, в хлебном поле, в степи). Вместе с тем до определённого момента писатель показывает, что в Аксиньином поиске индивидуального счастья есть и нечто недостойное. В описании губ Аксиньи, её красоты, её глаз то и дело появляется эпитет «порочный». Эпитет этот исчезает, когда она становится матерью теперь у неё «похорошевшие глаза», «уверенно – счастливая осанка», вновь появляется, когда она, сама, потеряв ребёнка, уводит Григория от жены и детей, и полностью исчезает к концу романа. Именно теперь Аксинья думает не о себе, а о Григории, проникаясь к нему «почти материнской нежностью». Она пригревает Мишутку, на почве любви к Григорию сближается с Ильиничной, а после смерти Натальи не только о детях, но начинает называть её мамой. Любовь обретает здесь традиционно народное содержание. В душе героини поселяется весна. Мир наполняется для неё новым звучанием, и вся она становится похожей на ребёнка, ведёт себя «по – детски» (что в

художественном мире Шолохова – свидетельство высшей нравственной оценки). Дети и любовь – последнее, о чём услышит и герой, и читатель из уст Аксиньи.

Аксинья и Наталья ушли из жизни, наказав тем самым вершину своего любовного треугольника, оставив Григория на перепутье дорог. Григорий переживает смерть обеих женщин – но переживает по-разному. Узнав, что на роковой шаг Наталью толкнул разговор с Аксиньей, рассказавшей его жене всю правду, Григорий «из горницы вышел постаревший и бледный; беззвучно шевеля синеватыми, дрожащими губами, сел к столу, долго ласкал детей, усадив их к себе на колени...». Он понимает, что виноват в смерти жены: «Григорий представил, как Наталья прощалась с ребятишками, как она их целовала, и, быть может, крестила, и снова, как тогда, когда читал телеграмму ее смерти, ощутил острую, колющую боль в сердце, глухой звон в ушах». Как замечает автор: «Григорий страдал не только потому, что по-своему он любил Наталью и свyksя с ней за шесть лет, прожитых вместе, но и потому, что чувствовал себя виновным в ее смерти. Если бы при жизни Наталья осуществила свою угрозу – взяла детей и ушла жить к матери, если бы она умерла там, ожесточенная в ненависти к неверному мужу и не примирившаяся, Григорий, пожалуй, не с такой силой испытывал бы тяжесть утраты, и уж, наверное – раскаяние не терзало бы его столь яростно. Но со слов Ильиничны он знал, что Наталья простила ему все, что она любила его и вспоминала о нем до последней минуты. Это увеличивало его страдания, отягчало совесть не умолкнувшим укором, заставляло по-новому осмысливать прошлое и свое поведение в нем...».

Григорий, который ранее относился к жене безразлично и даже неприязненно, потеплел к ней из-за детей: в нем проснулись отцовские чувства. Он готов был одно время жить с обеими женщинами, каждую из них любя по-своему, но после смерти жены на время почувствовал неприязнь к

Аксинье «за то, что она выдала их отношения и тем самым толкнула Наталью на смерть».

Однако гибель Аксиньи вызывает у Григория еще более глубокие страдания. Он видел, как «кровь текла... из полуоткрытого рта Аксиньи, клокотала и булькала в горле. И Григорий, мертвея от ужаса, понял, что все кончено, что самое страшное, что только могло случиться в его жизни, – уже случилось...». С гибелью Аксиньи жизнь для Григория почти потеряла смысл. Хороня любимую, он думает; что «расстанутся они ненадолго.

Автор предоставляет право самим героям рассказать о себе, раскрывать свои сильные и слабые стороны в поступках. И они делают это, обнажая нравственные качества, присущие им, в ситуации бурных перемен, по мере того, как история все больше прорывается в их устоявшийся быт.

Ведут свой сложный поединок с судьбой и друг с другом Наталья с Аксиньей, но общие беды, разлука с любимым человеком делает их добрее. Уже и Аксинья иначе видит свою соперницу; уже можно сказать, что когда вернется Григорий, он сам выберет ту, которую любит. Женщины в детях, рожденных от другой, видят лицо любимого. Жизнь изменилась в их восприятии, они начали забывать себя в новой любви.

Таким образом, герои Шолохова выражают сложность народной души в переломные периоды: в ней есть и непреклонность, и чуткость, и самоотверженность, и гибкая приспособляемость, но обо всем этом писатель повествует честно и прямо. Он принимает жизнь такую, какая она есть на самом деле.

Итак, собственно замысел автора «Тихого Дона» вполне можно рассматривать как противостояние его героев жестоким обстоятельствам смутного времени, в котором проявляются как низменные, так и возвышенные порывы души человека. Здесь и люди, идущие на смерть во имя идеи (Бунчук, есаул Калмыков, Штокман), готовые убить во имя ее (Подтелков, Михаил Кошевой), и мстители за близких (Дарья Мелехова). Во

всей сумятице происходящего только любовь способна спасти человека и сохранить его для жизни, ненависть же губит его – главная мысль романа. И именно женские образы романа воплощают эту мысль ярче всего.

Роман «Тихий Дон» – это произведение и о жизни целого народа, соотнosa – донского казачества. Национальные черты определяют и особенности повествования, и смысл заглавия, и, конечно, средства создания образов. В Аксинье, Наталье, Ильиничне, Дуняше отражено все лучшее, что видел автор в женщинах-казачках, которые не только хранили семейный очаг, но и были настоящими помощницами и «берегинями» приграничного казачьего воинства.

В сложном, порой беспощадном борении нравственного и безнравственного, прекрасного и безобразного, созидательного и разрушительного в любви шолоховских героинь глубже и рельефнее развёртывается перед читателем духовно-бытовая культура уникального соотнosa русской нации — донского казачества. Но автор не ограничивается лишь общим в женских характерах. С предельной субъективностью рисует Шолохов, как самобытную притягательность женщин-казачек, так и их трагическую участь в эпоху ломки традиционно-православного уклада жизни, разрушения патриархальной казачьей семьи.

Среди казачек, понятно, тоже встречались «игреливые натуры», но не они типичны для донского этноса. Аксинья, например, вовсе не из-за мстительной хитрости изменяет мужу. Чувств, ужаснувших её саму своей «греховностью», она не скрывала. Испив до дна горькую чашу насмешек хуторян, побои Степана, Аксинья до своего трагического конца оставалась открытой и последовательной в стремлении удержать Григория. Тем более чистой и непорочной Наталье, воспитанной на православной святости семейной любви, даже на ум не приходило ответить неверностью своему «непутёвому» мужу за оскорблённую любовь.

Женщины-казачки хорошо понимали личную ответственность «за сохранение семьи на время отсутствия мужа». Мотивация преданности супругу, святости семейных уз у дончанок носила глубинный характер, нежели у представительниц других соотчуженцев русской нации. Вот это «иное» и почувствовало старшее поколение хуторян, когда Акси́нья на предостерегающие замечания лишь «вызывающе смеялась» да «людей не совестясь и не таясь, высоко несла свою преступную голову». Здесь вводились новые формы морали, противоречащие традиционно православным.

ГЛАВА II ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ МОРАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЕВ

«...Образы простых женщин-казачек в романе «Тихий Дон» нарисованы М.Шолоховым с потрясающим мастерством. Их судьбы не могут не волновать читателя: заражаешься их юмором, смеешься над их колоритными шутками, радуешься их счастьем, грустишь вместе с ними, плачешь, когда так нелепо и бессмысленно обрывается их жизнь, в которой, к сожалению, было больше трудностей, горестей, потерь, чем радости и счастья...».¹

2.1. ИЛЬНИЧНА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ МАТЕРИНСТВА

Оплотом семьи Мелеховых является мать Григория, Петра и Дуняшки – Ильинична. Это пожилая казачка, у которой взрослые сыновья, а младшая дочь Дуняшка – подросток.

Старая женщина, неугомонная и хлопотливая, вечно занятая бесконечными домашними заботами, кажется вначале незаметной, и в происходящих событиях мало принимает участия. Даже ее портретной характеристики нет в первых главах книги, а только некоторые детали, по которым можно судить, что эта женщина многое пережила: «сплошь опутанная паутиной морщин, дородная женщина», «узловатые и тяжелые руки», «шаркает старчески дряблыми босыми ногами». И только в последних частях «Тихого Дона» раскрывается богатый внутренний мир Ильиничны.

Одна из основных черт характера этой женщины – спокойная мудрость. Иначе бы она просто не смогла ужиться со своим эмоциональным и вспыльчивым мужем. Без какой-либо суеты Ильинична ведет хозяйство, заботится о детях и внуках, не забывая и об их душевных переживаниях.

Ильинична - экономная и расчетливая хозяйка. Она поддерживает в доме не только внешний порядок, но и следит за моральной атмосферой в семье.

---

¹ Соколов Б. В. Донская волна в «Тихом Доне». - М., 1990. - С. 16.

Она осуждает связь Григория с Аксиньей, и, понимая, как тяжело законной жене Григория Наталье жить с мужем, относиться к ней словно к родной дочери, всячески стараясь облегчить ее труд, жалеет ее, порой даже дает лишний час поспать. То, что Наталья живет в доме у Мелеховых после попытки самоубийства, говорит о многом: в этом доме есть душевное тепло, в котором так нуждалась молодая женщина.

В любой жизненной ситуации Ильинична глубоко порядочна и душевна. Она понимает Наталью, которую измучили измены мужа, дает ей выплакаться, а потом пытается отговорить от необдуманных поступков: «Норов у вас, молодых, велик, истинный бог! Чуть чего – вы и беситесь. Пожила бы так, как я смолоду жила, что бы ты тогда делала? Тебя Гришка за всю жизнь пальцем не тронул, и то ты недовольна, вон какую чуду сотворила: и бросать-то его собралась, и омеромом тебя шибало, и чего ты только не делала, бога и того в ваши поганые дела путала... Ну, скажи, скажи, болезная, и это – хорошо? А идол мой хороший смолоду до смерти убивал, да ни за что ни про что, вины моей перед ним нисколько не было. Сам паскудничал, а назло срывал. Придет, бывало, на заре, закричу горькими слезами, попрекну его, ну он и даст кулакам волю... По месяцу вся синяя, как железо ходила, а, ишь, выжила же, и детей вскормила, из дому ни разу не сочинялась уходить».

Она заботливо ухаживает за больной Натальей, за внуками. Осуждая Дарью за слишком вольное поведение, тем не менее, скрывает ее болезнь от мужа, чтобы тот не выгнал ее из дома. В ней есть какое-то величие, способность не обращать внимания на мелочи, а видеть главное в жизни семьи.

Сильная, мудрая Ильинична постоянно хлопочет, волнуется и заботится обо всех домочадцах, пытается всячески оградить их от неприятностей, невзгод, от необдуманных поступков; встаёт между неудержимым в гневе мужем и самолюбивыми, темпераментными сыновьями, за что получает

удары от мужа, который, чувствуя преимущество жены во всём, таким образом, утверждается.

Ильинична не разбиралась в событиях революции и гражданской войны, но она оказывалась намного человечнее, умнее, прозорливее Григория и Пантелея Прокофьевича. Так, например, она упрекает младшего сына, порубившего в бою матросов, поддерживает Пантелея Прокофьевича, который выгоняет со своего обоза Митьку Коршунова. «Этак, и нас с тобой и Мишатку с Полюшкой за Гришу могли порубить, а ишь не порубили же, поимели милость», – говорит возмущенная Ильинична Наталье. Когда Дарья застрелила пленного Котлярова, Ильинична, по словам Дуняши, «забоялась ночевать с ней в одной хате, ушла к соседям».

Всю жизнь она, не щадя своего здоровья, работала, наживая по крупицам добро. И когда ситуация заставляет её всё бросить и оставить хутор, она заявляет: «Нехай лучше у порога убьют, – всё легче, чем под чужим плетнём сдыхать!».¹ Это не жадность, а страх потерять своё гнездо, корни, без которых человек теряет смысл бытия. Это она понимает женским, материнским чутьём, и переубедить её невозможно.

Ильинична ценит в людях честность, порядочность, чистоту. Она боится, что окружающая их жестокость отразится на душе и сознании внука Мишатки. Она смирилась с мыслью, что убийца её сына Петра стал членом их семьи, женившись на Дуняше. Старая мать не хочет идти против чувств дочери, да и мужская сила нужна в хозяйстве. Ильинична примиряется, видя, как Дуняша тянется к этому человеку, как теплеет нервный, жёсткий взгляд Кошевого при виде внука её, Мишатки. Она благословляет их, зная, что жизнь, какую она знала до сих пор, не вернуть, и она не в силах её исправить. В этом проявляется мудрость Ильиничны.

---

¹ Шолохов М.А. Тихий Дон. Т.2. - М., 1980. - С. 70.

Сердце русской женщины-матери столь отходчиво, что Ильинична, ненавидя убийцу своего старшего сына Мишку Кошевого, порой испытывает и к нему материнскую жалость, то, посылая ему дерюжку, чтобы не мёрз, то, штопая одежду. Однако с приходом Кошевого в мелеховский дом ей выпадают душевные мучения, она в своём доме остается одна, никому ненужная. Ильинична, преодолевая тоску и боль своих потерь, сделала решительный шаг к тому новому, что будет после неё, чему будут свидетели другие, а с ними и её внук Мишатка. И как мало нужно было Кошевому проявить нежности, вовсе не к ней, а к её внуку Мишатке, чтобы она сделала этот рывок, воссоединяющий в нашем сознании в единый величавый образ Ильиничну – и молодую, и пожилую, и Ильиничну последних дней её жизни. Вот, собственно, кульминация душевного движения Ильиничны к тому новому, что будет после неё. Она теперь твёрдо знала, что «душегуб» не мог так нежно улыбаться Мишатке – Гришиному сыну, её внуку.... И Ильинична, смирившись перед волей дочери, перед силой обстоятельств, перешагивает через естественное отталкивание от убийцы ее старшего сына, принимает в дом столь ненавистного ей, заряженного чуждой «правдой» человека и даже начинает чувствовать «непрощеную жалость» к нему, когда его выматывает, гнет и мучит малярия. Вот она – великая, искупительная жалость материнского сердца к заблудшим детям этого жестокого мира! А перед смертью отдает она Дуняше для Мишки самое дорогое – рубаху Григория, пусть носит, а то его сопрела уже от пота! Это с ее стороны высший жест прощения и примирения!

В последних главах Шолохов раскрывает трагедию матери, потерявшей мужа, сына, многих родных и близких: «Она жила, надломленная страданием, постаревшая, жалкая. Много пришлось испытать ей горя, пожалуй, даже слишком много...». «Твёрдая старуха» Ильинична «слезинки не выронила», узнав о смерти мужа, а лишь замкнулась в себе. Похоронив в течение года старшего сына, мужа, снох, Ильинична больше всего боялась гибели Григория. Только о нем думает Ильинична. Только им жила она

последние дни: «Старая я стала... И сердце у меня болит о Грише... Так болит, что ничего мне не мило и глазам глядеть больно». В тоске по сыну, который все не возвращался, Ильинична достает его старую поддевку и фуражку, вешает их на кухне. «Войдешь с базу, глянешь, и как-то легче делается... Будто он уже с нами...», – виновато и жалко улыбаясь, говорит она Дуняше.

Короткое письмо от Григория с обещанием осенью прийти на побывку доставляет Ильиничне большую радость. Она с гордостью говорит: «Маленький-то вспомнил про матерю. Как он пишет-то! По отчеству, Ильиничной, повеличал... Низко кланяюсь, пишет дорогой мамаше и еще дорогим деткам...».

Война, смерть, тревога за любимого человека помирили Ильиничну с Аксиньей, и глазами Аксиньи мы видим горе безутешной матери, которая понимает, что больше не увидит ей сына: «Ильинична стояла, придерживаясь руками за изгородь, смотрела в степь, туда, где, словно недоступная далекая звездочка, мерцал разложенный косарями костер. Аксинья ясно видела озаренные голубым лунным светом припухшее лицо Ильиничны. Седая прядь волос, которая выбилась из-под черной старушечьей шальки. Ильинична долго смотрела в сумеречную степную синь, а потом не громко, как будто он стоял тут же, возле нее, позвала: «Гришенька! Родненький мой! – Помолчала и уже другим, низким и глухим голосом сказала: – кровинушка моя...».

Если раньше Ильинична была сдержана в своих чувствах, то в конце романа все меняется, она, словно вся состоит из материнской любви: «Удивительно, как коротка и бедна, оказалась жизнь, и как много в ней было тяжелого и горестного, в мыслях обращалась она к Григорию.... И на смертном одре жила она Григорием, думала только о нем...».

Образ Ильиничны в романе – это чистый образ материнства, образ «донской мадонны». И материнская любовь, благодаря этому образу,

оказывается особенно натурально глубоко связанной с метафизическими пределами человеческой жизни: рождением и смертью. Только мать каждой клеткой своего существа, каждой каплей крови не может принять гибели сына, исчезновения его с белого света, куда она родила его на жизнь и радость. Сколько материнских слез, тоски, причитаний разлито по «Тихому Дону»! И зарываются матери в оставшиеся от умерших сыновей рубахи, ища в их «складках запах сыновьяго пота», хоть какой-то, но материальный след и остаток от самого проникновенно любимого ими человека.

2.2. ДАРЬЯ МЕЛЕХОВА. ТРАГЕДИЯ ЕЕ БЕСПЛОДНОЙ ЖИЗНИ

Если борьба идей жертвенности и своеволия создает в образах Аксиньи и Натальи постоянное напряжение борьбы за счастье, то в образе Дарьи, погрязшей в блуде, Шолохов открыто, выпукло выделяет мотив нечистоты как главной черты ее характера.

Дарья Мелехова упоминается уже в первой главе романа. Но ее образ Шолохов создается иначе, чем образы Аксиньи или Натальи. При описании внешности своих героев автор стремится нарисовать запоминающийся зрительный образ, воссоздать человека в неповторимом движении. Сами живописные подробности у него почти всегда приобретают отчетливо психологическую характерность. Его занимает в портрете не только выразительность, характерность внешнего облика, но и тип жизненного поведения, темперамент человека, настроение данной минуты. Портрет в романах Шолохова показывает героя в определенной жизненной ситуации и настроении.

При первом появлении Дарьи упоминаются лишь «икры белых ног». В главе романа, где описывается возвращение Аксиньи Астаховой ранним утром от знахарки домой, Шолохов обращает внимание на брови, повстречавшейся Дарьи: «Мелехова Дарья, заспанная и румяная, поводя красивыми дугами бровей, гнала в табун своих коров».

Далее снова брови Дарьи («тонкие ободья бровей»), которыми поиграла, оглядывая Григория, собравшегося ехать к Коршуновым сватать Наталью. Когда на свадьбе Григория и Натальи дядя Илья шепчет Дарье непристойности, она суживает глаза, подрагивает бровями и посмеивается. В манере Дарьи играть своими бровями, щурить глаза и во всем ее облике улавливается что-то порочное. Порочность эта связана и с нелюбовью Дарьи к труду. Пантелей Прокофьевич говорит о ней: «... с ленцой баба, спорченная... румяниться да брови чернит...».

Постепенно черты Дарьи вырисовываются более отчетливо. В портретном наброске, сделанном Шолоховым, за легкостью красивых движений ощущается житейская цепкость, ловкость этой женщины: «Дарья бегала, шаркая валенками, грохотала чугунами. Замужняя жизнь не изжелтила, не высушила ее – высокая, тонкая, гибкая, как красноталая хворостинка, была она похожа на девушку. Вилась в походке, перебирая плечами; на окрики мужа посмеивалась; под тонкой каймой злых губ плотно просвечивали мелкие частые зубы».

Крупным планом образ Дарьи показан спустя два месяца после мобилизации ее мужа Петра на войну. С циничной шутливостью говорит она Наталье об игрищах, о своем желании «побаловаться» и подтрунивает над ней, «тихонюшкой». Война по-особому повлияла на эту женщину: почувствовав, что можно не приспособливаться к старым порядкам, укладу, она безудержно отдается своим новым увлечениям: «Смерть Петра словно подхлестнула ее, и, чуть оправившись от перенесенного горя, она стала еще жаднее к жизни, еще внимательнее к своей наружности»; «...совсем не та стала Дарья... Все чаще она противоречила свекру, на Ильиничну и внимания не обращала, безо всякой видимой причины злилась на всех, от покоса отделалась нездоровьем и держала себя так, как будто доживала она в мелеховском доме последние дни...».

Для раскрытия образа старшей снохи Мелеховых Шолохов использует множество деталей, они определяются ее характером.

Дарья – щеголиха, поэтому огромную роль играют здесь детали одежды. Мы видели разбитную Дарью «принаряженной», «нарядной», «одетой богато и видно», «разнаряженной, словно на праздник». Рисуя ее портрет, Шолохов на протяжении романа упоминает все новые и новые детали дарьиной одежды: малиновую шерстяную юбку, бледно-голубую юбку с расшивным подолом, добротную и новую шерстяную юбку.

У Дарьи своя походка, всегда легкая, но вместе с тем многообразная: вьющаяся, смелая, развязная, виляющая и быстрая. В различные конкретные моменты эта походка по-разному связана с другими движениями Дарьи, выражением ее лица, ее словами, настроениями и переживаниями.

Существенную роль в изображении ее портрета играют косвенные характеристики. «От работы хоронится, как собака от мух», «совсем отбилась от семьи», – говорит о ней Пантелей Прокофьевич.

Сравнение Дарьи с «красноталой хвостинкой» выражает сущность характера Дарьи, а также эмоциональное отношение к ней автора. «А вот Дарья была все та же. Кажется, никакое горе не было в силах не только сломать ее, но даже пригнуть к земле. Жила она на белом свете, как «красноталая хвостинка»: гибкая, красивая и доступная».

С годами постепенно меняются характер Григория, Аксиньи, Натальи, Дуняши и других героев «Тихого Дона», «а вот Дарья была все та же».

Хотя характер Дарьи не меняется, он все-таки противоречив. Так, например, она, не задумываясь, изменяет мужу в пути на фронт. Однако, приехав, «со слезами искренней радости обнимает мужа, смотрит на него правдивыми ясными глазами». Она очень бурно переживает горе, когда казаки привозят домой убитого Петра. «Дарья, хлопнув дверьми, опухшая, выскочила на крыльцо, рухнула в сани. – Петюшка! Петюшка, родимый! Встань! Встань!». Сцена эта нарисована Шолоховым очень драматично. Когда Дарья начинает голосить по Петру, у Григория чернь застилает глаза. Но горе ее оказалось непродолжительным и не оставило на ней никакого следа. «Первое время тосковала, желтела от горя и даже состарилась. Но как только дунул вешний ветерок, едва лишь пригрело солнце, – и тоска дарьи ушла вместе со стаявшим снегом».

Так, например, цинизм Дарьи не только в том, как, она, «молча, улыбалась», «без особого стеснения» разглядывала генерала, выдавшего ей

денежную награду и медаль, но и в том, как она думает в этот самый момент: «Дешево расценили моего Петра, не дороже пары быков... А генералик ничего себе, симпатичный...». Цинизм ее проявляется и в том, как охотно она шутит «непотребными словами», колко отвечает на расспросы, смущает и озадачивает окружающих.

Чем быстрее разрушается мелеховская семья, тем легче Дарья нарушает моральные нормы. Шолохов добивается этого нагнетанием характерных деталей. Так, например, убив Ивана Алексеевича Котлярова, она обычным жестом поправила головной платок, подобрала выбившиеся волосы – все это подчеркивает ее мстительность, злость и то, что Дарья не осознала свой поступок. Затем после убийства Шолохов описывает женщину глазами Григория для того, чтобы передать чувство отвращения: «...Наступил кованым каблуком сапога на лицо Дарьи, черневшие полудужьями высоких бровей, прохрипел: «Гггадю-ка».

Когда Дарья рассказала Наталье о «прилипчивой болезни», Наталью «поразила перемена, происшедшая с Дарьиным лицом: щеки осунулись и потемнели, на лбу наискось залегла глубокая морщина, в глазах появился горячий тревожный блеск. Все это не шло в сравнение с тем, каким циничным тоном она говорила, поэтому это очень ярко передавало настоящее душевное состояние героини.

Внутренний мир Григория, Аксиньи, Натальи, других героев раскрывается через восприятие ими природы, этого нельзя сказать о Дарье. И это не случайно, так как чувство природы не играло роли в ее переживаниях. Но после случившейся беды она обращает на нее внимание: «Гляжу на Дон, а по нему зыбь, и от солнца он чисто серебряный, так и переливается весь, аж глазам глядеть на него больно. Повернусь кругом, гляну – господи, красота-то, какая! А я ее и не примечала».

В этом монологе – драма, бесплодность всей ее жизни. Дарья со всей непосредственностью проявляет в этой речи светлые, человеческие чувства,

которые таились в ее душе. Шолохов показывает, что эта женщина все-таки обладает способностью ярко воспринимать мир, но оно появляется только после осознания безысходности своего горя.

Дарья чужда семье Мелеховых. Она дорого заплатила за свое легкомыслие. Боясь ожидания неизбежного, теряясь от одиночества, решила Дарья на самоубийство. И прежде чем слиться с водами Дона, она крикнула не кому-нибудь, а именно женщинам, так как только они могли понять ее: «Прощайте, бабоньки!».

Сама Дарья говорит о себе, что она живет, как цветет придорожная белена. Образ ядовитого цветка метафоричен: общение с женщиной-блудницей так же смертоносно для души, как отравы для тела. Да и конец Дарьи символичен: ее плоть становится ядом для окружающих. Она как воплощение нечистой силы стремится увлечь за собой в погибель как можно большее количество людей. Так, если Аксинья только на миг представила себе возможность избавиться от Степана. То Дарья хладнокровно убивает Котлярова, хотя он приходится ей кумом, то есть они при крещении ребенка породнились во Христе.

«...Похоть и смерть идут рука об руку в художественном мире Шолохова, ибо «все позволено», если нет веры в высшее, абсолютное начало, которое связано с понятием праведного суда и возмездия...».¹ Тем не менее, образ Дарьи еще не последняя ступень на пути превращения женщины существо, неутомимо сеющее вокруг себя зло и разрушение. Дарья перед смертью все же соприкоснулась с иным миром – гармонии, красоты, божественного величия и порядка.

---

¹ Палиевский П. Шолохов сегодня. - М, 1989. - С. 232.

2.3. ПРЕКРАСНОЕ И ПРАВСТВЕННОЕ В ОБРАЗЕ НАТАЛЬИ МЕЛЕХОВОЙ

Наталья в противовес Аксинье – верная женой и мать. И в этом контрастном противопоставлении образов многое идет от Гоголя. Он разделял чисто женское очарование и семейный материнский долг. Подобно матери сыновей Бульбы Шолохов подчеркивает в своих героинях: Наталье, Ильиничне, верующей матери Бунчука и других – не только самоотверженность, но и желание остановить заблудшую душу на путях греха.

Автор «Тихого Дона» непропорционально мало по сравнению с Аксиньей говорит о внешней привлекательности Натальи, но это вовсе не значит, что она ей в чём-то здесь уступает. Причем оценку женской привлекательности будущей жены Григория Шолохов «доверяет» сначала именно Аксинье. Узнав, кого сватают для него родители, она против воли, в явной растерянности выговаривает: «Наталья... Наталья – девка красивая... Дюже красивая...». Сколько стоят подобные слова из уст соперницы – известно всем. Да и сам Григорий на смотрах убеждается в этом вполне: «Под чёрной стоячей пылью коклюшкового шарфа смелые серые глаза. На упругой щеке дрожала от смущения и сдержанной улыбки неглубокая розовеющая ямка. Под зелёной кофточкой, охватившей плотный сбитень тела, наивно и жалко высывались, поднимаясь вверх и врозь, небольшие девичье-каменные груди, пуговками торчали остренькие соски... Подумал: «Хороша!» — и встретился с её глазами, направленными на него в упор. Бесхитростный, смущённый, правдивый взгляд словно говорил: «Вот я вся, какая есть. Как хочешь, так и суди меня». «Славная», — ответил Григорий глазами и улыбкой». Воспитанная на православной эстетике чувств, Наталья не умела развить внешний успех женским началам в себе. Вот, по-девичьи смущаясь, дарит она суженому, приехавшему на коне (как это полагалось) проведать перед свадьбой невесту, расшитый кисет. Григорий в ответ

пытается притянуть к себе Наталью и поцеловать, но она стыдливо отклоняется: «Увидют! – А нехай! – Совестно...».

Чисто донской характер Натальи привлекал всех нравственной чистотой, даром внимания и доброты к людям. Уважал её Пантелей Прокофьевич: казак вспыльчивый, скорый на словесную брань, он ни разу не повысил на неё голос. Любила и берегла её Ильинична, доверчиво делилась сердечными тайнами Дуняша, в «трудные» времена обращалась к ней за советом даже распутная Дарья.

Наталью в качестве будущей «берегини» и продолжательницы духовных и родовых устоев казачьего дома выбирает Ильинична, которую все исследователи творчества Шолохова называли «казачьей мадонной». Понятия о смысле жизни «донских мадонн» по-христиански человечны, благородны и некрикливо созидательны. Главная черта таких женщин – бескорыстное, по велению сердца подчинение личных интересов общесемейным или общественным. В силу возвышенности своей натуры они способны взять на себя даже тяжкий крест вины за несовершенство других, готовы на любовь и сострадание к самым разным людям, даже к тем, кто причинил им боль.

Ильинична не ошибается, когда связывает преемственность рода Мелеховых с Натальей. Преодолев душевный срыв после неожиданного и жёсткого удара судьбы, молодая казачка принимает решение возвратиться в семью, родной дом «непутёвого своего Григория». И пока традиционно-православный уклад жизни донского казачества ещё не был разрушен внешним управлением, ей это удаётся.

«...С незапамятных времён известен арсенал методов и средств, с помощью которых разрушаются чужие семьи женщинами – «разлучницами». В мастерской художника их обыденные образы преобразуются в романтные, а цели переориентируются, наполняясь необходимым уже автору

содержанием...».¹ И если не забывать о времени, в которое создавался роман-эпопея, следует признать: на роль разрушительницы традиционных семейных отношений наилучшим образом подходила с детства обездоленная, но ни перед чем не останавливающаяся в достижении своей цели Акси́нья. Защитницы же христианско-православного образа жизни вынуждены занять оборонительные позиции – художественное пространство внутреннего сюжета. В решении задач так называемого второго плана (внутреннего сюжета) Григорий и Наталья оказываются на одном фронте сопротивления разрушительным тенденциям надвигающегося на донской этнос русской нации лихолетья. Не только цели, но и результаты их сопротивления во многом сходны. Как Григорий искал справедливости и правды, «под крылом которой мог бы подогреться каждый», но поиск завершился катастрофическим выводом: «Одной правды нету в жизни. Видно, кто кого одолеет, тот того и сожрёт... А я дурную правду искал. Душой болел, туда-сюда качался», так и у Натальи не хватает сил и умения отстоять традиционно казачьи ценности семейной жизни на основе полученного ею воспитания. Она ждала от жизни никем и ничем не оскверняемого счастья. Любви по святому и законному человеческому праву, а не по первобытному – жестокой борьбы за мужчину в опустошающем душу и сердце соперничестве.

В первый раз Наталья пошла в Ягодное на женский разговор со своей соперницей как равная с равной, казачка с казачкой. Но, как, оказалось, встретились две культуры: культура чувств женщины, воспитанной на православно-христианских традициях, и культура чувств любви языческой, для которой нормы православия были лишь помехой. Акси́нья, чувствуя полную телесную власть над Григорием, «лютует и глумится», стараясь побольше оскорбить, унижить его жену. В тот раз, замечает Шолохов, «игру вела она». Во второй раз Наталья пошла на встречу уже полностью

---

¹ Симмонс Э. Он избрал свой путь. М., 1990. - С. 50.

уверенной, что такие, как Аксинья, привлекают мужчин распутной в своей основе любовью: «Не любишь ты его, а тянешься за ним по привычке <...> Ты и с Листницким путалась, с кем ты, гулящая, не путалась? Когда любят, так не делают».

Наталья высказывает единственно верную, как ей казалось, правду о сопернице: темпераментное, страстное, всё сокрушающее на своём пути буйство чувств и готовность делить эти чувства с тем, кто оказался рядом в трудную минуту. Но в чём-то здесь и не права она. Да, если любят, так не делают. Но когда Наталья называет Аксинью гулящей, та выкрикивает: «Я не Дарья ваша!». И тут она делает ошибку, потому что не замечает изменений, произошедших в Аксинье. И именно Аксинья оказалась духовно сильнее Натальи.

Полюбив Григория, Наталья безмерно счастлива, когда он сватается к ней. Но действительность жестоко растоптала чувство Натальи. Григорий сам сказал ей: «Не люблю я тебя, Наташка, ты не гневайся...». Наталья попыталась вступить в борьбу за свое счастье, но не выдержала ее.

Молча, затаенно она переживает свое горе, надеясь, что Григорий рано или поздно вернется к ней. Прощает ему все, ждет его. Все хуторские сплетни и пересуды вызывают на ее сердце тупую, ноющую боль, но и это она сносит терпеливо. Любовь ее смиренно-страдальческая. Достаточно вспомнить ее письмо мужу: «Григорий Пантелеевич! Пропиши мне, как мне жить, и на все или нет потерянная моя жизнь? Ты ушел из дому и не сказал мне ни одного словца. Я тебя ничем не оскорбила... Думала, сторяча ты ушел, и ждала, что возвратишься, но я разлучать вас не хочу. Пушай лучше одна я в землю затоптанная, чем двое. Пожалей напоследок и пропиши...».

После оскорбительного ответа Наталья решает покончить жизнь самоубийством и только чудом выживает, изуродовав себя на всю жизнь.

Когда Григорий вернулся, Наталья своим женским чутьём поняла: мир и любовь наконец-то пришли в их семью. Жизнь наполнилась всем богатством красок супружеского бытия, лучилась, как замечает Шолохов, «сияющей трепетной теплотой», а сама Наталья была как молодая яблоня в цвету – красивая, здоровая, сильная. И вдруг так трудно создаваемая семья снова рушится. Глубоко, до смерти ранят её сумбурные поступки окончательно запутавшегося в неразберихе социального лихолетья Григория, труднообъяснимые беспорядочные связи его с женщинами из прифронтовых хуторов, очередной отклик на призыв не смилившейся с поражением Аксины. Но сил для следующего витка борьбы за «непутёвого своего Григория» Наталья уже не почувствовала: слишком много их было отдано на первый. На созидание, как известно, их уходит гораздо больше, чем на разрушение. В горячечном, безумном порыве бессильного гнева она требует от неба справедливого возмездия за поруганную святость семейных уз, опошление чистой и преданной любви, позор как Мишатки и Полюшки, так и будущего их ребёнка, которого она носила под сердцем. «На фоне вставшей в полнеба грозовой тучи она казалась незнакомой и страшной». Крушение истин, на которых воспитывалась Наталья, многолетняя борьба за чистоту и святость семейных чувств обескровили её жизнь, она гибнет, во второй – и последний раз – беря на себя смертный грех за грехи «непутёвого», но самого родного и близкого ей человека.

Трагедией оборачивается любовь Натальи. Она принадлежит к типу образцовой красавицы-казачки, которым откровенно любуется писатель, рисуя и ее еще девичий, невестин облик, и уже расцветший, женский. Облик и поведение Натальи отмечены не образом огня, как часто у Аксины, а образом света, пронизывающей лучистости («...глаза ее вспыхнули таким ярким брызжущим светом радости, что у Григория дрогнуло сердце и мгновенно и неожиданно увлажнились глаза»), зачем встает тонкая душевность глубин ее чувств, особая внутренняя чистота и красота. Недаром и загубелое сердце мужа отзывается на такой интенсивный свет, оказываясь

способным на растроганность и слезы, чего обычно не испытывает Григорий при виде Аксины, – здесь ощущения и чувства другие.

Отношение Натальи к Григорию более целомудренно-стыдливо в своих непосредственно-чувственных проявлениях, чем у Аксины, пронизано нежностью и преданностью, нераздельностью физической и душевно-духовного. «Тайное, неуловимое» в ней выдает сокровенность ее душевных струй, запрятанную боль от исходно-непреодолимой дисгармонии человеческих чувств и отношений. Она знает, что никогда не сможет на свой абсолют любви к мужу получить от него тоже. Такое знание пределов внутренней муки, что провело ее через самоубийственный серп, таинственно-ужасную грань между жизнью и смертью и навсегда чуть трогательно скривило ее шею (милая кривая уточка!).

Связь Натальи с природой не менее прочная, чем у Григория или Аксины, только она не всегда явная, скорее пунктирная, потому что пейзажи, «параллельные» семейной жизни Натальи и Григория, ориентированы в первую очередь на мировосприятие Григория.

Обряд венчания и свадьба даны в романе под углом зрения Григория, а присутствие Натальи обозначено лишь дважды: непосредственно в авторском описании («похорошевшая в сиянии свечей») и ассоциативно в пейзаже после венчания. В нём прихотливо переплелись все константные для шолоховской прозы образы – образы степи, Дона, неба. Полынный запах не обещает молодым лёгкой доли, горечь полыни будет сопровождать их всю жизнь. Дон – водная стихия – становится свидетелем этого союза, но синяя молния над ним, отсутствие солнца окрашивают пейзаж в мрачные тона, и лишь один звуковой образ – зазывно позванивающие бубенцы – и один цветовой – белая церковная ограда – соответствуют тому, что ощущает Наталья, мечта которой сбылась, да ещё накрапывающий дождь, по народной примете – к счастью.

«...Пейзаж, который даёт М.Шолохов в начале следующей главы, интонирован грустными, даже скорбными образами, явно противопоставленными праздничности события. Нагнетение цветовых и эмоционально-оценочных эпитетов, введение в пейзаж часовни вызывает вполне определённый эффект: описание природы разворачивается в эпическую картину жизни, жизни, наполненной печалью и скорбями. Рождение новой семьи отмечено не радостным сиянием дня, а печалью лиловых сумерек. Осенний пейзаж становится для молодых пейзажем-предзнаменованием...».¹

Ещё более грустный и холодный пейзаж рисует писатель, отправляя Наталью и Григория пахать к Красному Логу. В нём вновь переплетаются образы, параллельные тому, что чувствуют оба героя. В высшей степени показательна пространственная модель этого пейзажа-предзнаменования: за бугром работают люди, свистят погоньчи, в степи же – прозрачная тишина. Описание постепенно поднимается вверх: чёрствая осенняя земля шляха, над шляхом – голубая проседь полыни, чуть выше – придорожный обломанный донник, ещё выше – «горюнок, согнутый в богомольном поклоне» и дальше – только небо, его «звонкая стеклянная стынь». Такая вертикаль, подчёркивает диссертант, характерна для особо значимых шолоховских пейзажей. Пустота и холод степи подчёркивают разъединённость героев. Полынь (её запах доносил ветер в день венчания), горюнок (актуализирующий христианскую символику как напоминание об обряде венчания) предопределяют горечь признания Григория, во время которого автор вновь обозначает вертикаль: Наталья смотрит вверх, и направление её взгляда подчёркивает всё яснее проступающую отрешённость от земной жизни (звёздное займище недоступно высоко, странное цветовое сочетание – чёрно-голубая пустошь – готовит парадоксальную параллель – самоубийство Натальи и освобождённый Дон). То, что Наталья думает о смерти, подтверждает целый

---

¹ Соколов Б.В. Донская волна в «Тихом Доне». - М., 1990. - С. 21.

ряд символических образов: тоскливый и призывный крик журавлей, мертвенный запах отживших трав и томящаяся «в мерцающей девственной голубизне свежего снега» степь.

В сцене ссоры Григория с семьей Наталья не произносит ни одного слова. Но в финале трижды звучит её голос: последнее, что слышал в родном доме Григорий – Натальин *плач в голос*, потом её *тоскующий вскрик* и последний, придавленный расстоянием, *горестный оклик*, в который она вложила всю свою боль за несбывшееся семейное счастье: «Гришенька, родимый!» В этом оклике – вся Наталья («родная») с её идеей жизни – идеей освящённого церковным обрядом семейного родства.

Если образ Аксиньи связан со стихией огня, то для психологической характеристики Натальи автор выбирает синий цвет. Получив от Григория ответ, не оставляющий надежды на его возвращение, она собирается в церковь, а мыслями постоянно обращается к *синему* клочку бумаги. И концентрация синего цвета в портрете («тонкая по-девичьи, *иссиня-бледная*, в прозрачной *синеве* невесёлого румянца»), в пейзаже («перламутровая *синь* раскинутых по улице лужиц») передаёт всё усиливающееся отчаяние героини, достигающее предела, когда все цвета переходят в один: в *черноту* сарая и *чёрную* тоску. В сцене на бахче состояние Натальи также соотнесено с цветовой палитрой пейзажа: многоцветность летнего дня вновь заменяется чёрным цветом. «Янтарно-жёлтый полдень» выписан яркими и чистыми, без примесей, красками: синее небо, белые облака (правда, с настораживающим эпитетом *изорванные* ветром), золотые потоки сияющего света. А потом: ползущая с востока чёрная клубящаяся туча и крик-проклятие Натальи, жгуче-белая молния и властный приказ Ильиничны. Безумный, дикий порыв Натальи оставляет во всём мире только чёрный цвет. После грозы краски возвращаются: дивно зеленеет омытая дождём степь, встаёт над нею радуга, но мир Натальи остаётся бесцветным, прозрачным, как слеза или роса, и в момент её смерти ветер стряхивает с вишнёвых листьев *слезинки росы*.

Обеим главным героиням романа, непримиримым соперницам, Шолохов дарует в чем-то сходный тип смерти. Обе истекают кровью, медленно истаивают, так что остается от них одна чистая, белая форма, – правда, у Натальи это происходит дольше и в сознании, ей нужно успеть и попрощаться с детьми, и простить любимого обидчика, а Аксинья так и не приходит в сознание, от нее жизнь враз и вмиг отрезана...

Эпизоды, ставшие вехами на жизненном пути Натальи. Возвращение в семью Мелеховых, реакция на известие о смерти мужа, описание попытки «упросить» соперницу отступить от Григория. *Диковинная, сияющая и горячая* красота Натальи-матери, объяснение с Григорием после боя под Климовкой. Последний выход на пепелище родного дома, «элегия прощания» с мужем в его последний приезд домой, сцена на бахче. Имеют самую непосредственную связь с идеей Дома, семьи. Наталья умирает, и звучит в устах Мишатки её «последнее послание» – завет Григорию хранить то, что она создала с того момента, когда сияние венчальных свечей озарило её жизнь.

Смысловый полифонизм и символическая образность поднимают изображение судьбы героини до уровня разговора о всеобщих, сущностных качествах человека и человечества в целом. Финальное возвращение Григория Мелехова в родной дом – это возвращение к тому, что «выстроила» своей самоотверженной любовью Наталья.

2.4. АКСИНЯ – ТИП НАСТОЯЩЕЙ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Особым обаянием наделил автор романа Аксицию. Ей присущи и внешняя, и внутренняя красота. Она упорно борется за свое счастье, рано испытав всю горечь женской доли, смело и открыто восстает против рабского, приниженного положения женщины, против патриархальной морали. В страстной любви Аксиции к Григорию выражен решительный протест против загубленной молодости, против истязаний и деспотизма отца и нелюбимого мужа. Борьба ее за Григория, за счастье с ним – это борьба за утверждение своих человеческих прав. Мятежная и непокорная, с гордо поднятой головой, шла она против предрассудков, лицемерия и фальши, отвоевывала свое счастье с любимым человеком, вызывая злые толки и пересуды.

Аксинья необыкновенно красива. Вот как описывает ее Шолохов: Ветер трепал на Аксиции юбку, перебирал на смуглой шее мелкие пушистые завитки. На тяжелом узле волос пламенела расшитая цветным шелком шлычка, розовая рубаха, заправленная в юбку, не морщилась, охватывала круглую спину и налитые плечи. У героини красивая и гордая походка: даже ведра с водой она носит по-особому – очень величаво и грациозно.

Автор ничего не утаивает из жизни Аксиции: ни то, что ее, шестнадцатилетнюю, изнасиловал пьяный отец, ни того, что потом бил муж. Молодость ее была поругана надругательством отца и истязаниями мужа. Любовь для героини – это своеобразный выход из беспросветного прошлого, вот почему она вся отдается своему чувству: «...С лугового покоса переродилась Аксиция. Будто кто отметину сделал на ее лице, тавро выжег. Бабы при встрече с ней ехидно ощерялись, качали головами вслед, девки завидовали, а она гордо высоко несла свою счастливую, но срамную голову...».

Аксинья чувственно и страстно любит Григория. Отношения между ними описываются очень сурово: «Он упорно, бугайной настойчивостью ее обхаживал. И это-то упорство и было страшно Аксинье». Она своенравна и безоглядна в своей страсти и так любит Григория, что готова на все, даже на убийство мужа. Григорий начинает: «Надумал я, давай с тобой прикончим...» Аксинья додумывает про себя страшные слова: «...прикончим Степана, – но «он досадливо облизнул губы...» – и добавляет «прикончим эту историю?»».

И Григорий любит Аксинью. «На губах Григория остается волнующий запах ее губ, пахнущих то ли зимним ветром, то ли далеким, неуловимым запахом степного, вспрыснутого майским дождем сена...». Это описание передает свежесть, здоровье, чистоту героини. Но писатель также подчеркивает ее «порочную и манящую красоту», ее губы «бесстыдно жадные, пухловатые», глаза вспыхивающие «балованным отчаянным огоньком» и улыбку.

Когда Аксинья узнает о решении Мелехова уйти из хутора и жить вместе с ней, «на губах ее, скрытая от глаз Григория, дрожала радостная, налитая сбывшимся счастьем улыбка». Она была безумно счастлива. В ее улыбке отражаются самые противоречивые чувства. Так, например, давняя боль и тоска, удивление и нежность отразились в улыбке Аксиньи, когда она после долгой разлуки встретила Григория на берегу Дона, у пристани: «Она улыбнулась такой жалкой, растерянной улыбкой, так не приставшей ее гордому лицу, что у Григория жалостью и любовью дрогнуло сердце...».

Одним из постоянных определений человеческой сущности Аксиньи, ее борьбы за счастье становится в романе эпитет «гордая». «...У Аксиньи «гордое» лицо, презирая хуторские сплетни, она «гордо и высоко несла свою счастливую, но срамную голову...»¹.

---

¹ Шолохов М.А. Тихий Дон. Т.1. - М., 1980. - С. 30.

После ссоры с Мелеховыми она не здоровается с ними, «с сатанинской гордостью, раздувая ноздри, проходила мимо».

Неоднократно повторенное определение «гордая» служит для выделения одной из самых существенных черт характера Аксины. Аксиныя гордится не только своей яркой, волнующей красотой. Гордость ее выражает постоянную готовность отстаивать свое человеческое достоинство, показывает жизненную стойкость, силу и благородство характера.

Тяжкие жизненные испытания не сломали Аксиныю, а, наоборот, раскрыли в ней все самое лучшее. Если в начале романа она могла под влиянием минутного настроения изменить Григорию с Листницким, оскорбить Наталью, накричать на Пантелея Прокофьевича, то в последнем томе она изменяется, проявляет любовь и понимание по отношению к другим людям. Новое чувство возникает у Аксины по отношению к нелюбимому мужу Степану – она начинает понимать его и жалеть по-своему. Меняется и отношение к Наталье: в последнем разговоре, когда Наталья приходит узнать, действительно ли Аксиныя снова «завладала» Григорием, Аксиныя уже не глумится над Натальей, как раньше, а здраво, почти как Ильинична, рассуждает: «Знаешь что? Давай об нем больше не гуторить. Жив будет... вернется – сам выберет». Аксиныя любит детей Григория со всей полнотой материнских чувств («Они сами, Гриша, стали звать меня матерью, не подумай, что я их учила»). Не случайно Ильинична, так непримиримо раньше относившаяся к отношениям Григория с Аксиной, как говорит Дуняшка, «прилюбила Аксиныю в последнее время».

Как только в Аксиные пробуждается материнские чувства, все порочное и вызывающее в ней исчезает, и это сказывается на отношении ее к миру и другим людям. Так, Аксиныя заботится о деде Сашке так же трогательно, как в свое время это делала Наталья по отношению к деду Гришаке. Однако Аксиные придется еще долго изживать своеволие, пока она, наконец, не

откажется от желания завладеть Григорием любой ценой и не искупит, хотя бы частично, свой грех перед Натальей, заменив мать детям Григория.

Аксинья не может солгать, извернуться, обмануть. Лицемерие ей противно. Когда Наталья пришла к ней поговорить о Григории, который по слухам встречался с соседкой, Аксинья пытается отклониться от ответа. Но достаточно было Наталье упрекнуть ее, как Астахова, вспыхнув, гордо и резко подтверждает предположения обманутой жены.

Правдивость и прямота – в ее характере. Вот, например, сидят за одним столом Григорий и Степан. Когда Аксинья увидела их вместе, в глазах ее «плеснулся ужас». Муж с ненавистью и тоской предлагает ей выпить за долгую разлуку. Он хорошо знал, ради кого пришел к ним этот человек. Аксинья отказывается:

«– Ты же знаешь...

– Я зараз все знаю.... Ну, не за разлуку! За здоровье дорогого гостя, Григория Пантелеевича.

– За его здоровье выпью! – звонко сказал Аксинья, и выпила стакан залпом».

И в этом порыве вся главная героиня, свободно и бесстрашно выражающая свои чувства. Если Наталья опускала голову под ударом судьбы, укоряла себя за то, что не могла изменить ход событий, то Аксинья встречала опасность с высоко поднятой головой, вступала в борьбу за счастье.

Аксинья доказала всей своей жизнью любовь и верность Григорию: «И о чем бы ни думала, что бы ни делала, всегда неизменно, неотрывно в думках своих была около Григория. Так ходит по кругу в Чигире слепая лошадь, вращая вокруг оси поливальное колесо...».

Ничего в мире не хотела видеть Акси́нья кроме своего любимого, из-за него жила всегда в страшном напряжении и волнении, никогда не задумываясь над тем, на чьей стороне он воевал. По-первому его зову могла расстаться с чем и кем угодно, лишь бы быть рядом с ним. И в последний раз, когда он ночью пришел за ней, она без колебаний и даже с радостью собралась и пошла, сама не зная куда. На вопрос Григория: «Ну? Едешь? – она отвечает: «А как бы ты думал? Сладко мне одной? Поеду, Гришенька, родненький мой! Пеши пойду, поползу следом за тобой, а одна больше не останусь! Нет мне без тебя жизни... Лучше убей, но не бросай опять!» Видя ее опухшие от слез, но сияющие счастьем глаза, Григорий, усмехаясь, подумал: «Собралась и пошла, как-будто в гости... Ничего ее не страшит, вот молодец баба...».

Но и эта, последняя, попытка Акси́ньи наконец-то обрести счастье обернулась для нее гибелью. Вдали от хутора нашла она свое пристанище.

Образ Акси́ньи построен на развитии мотива огня и жара, на мотиве особой жизнестойкости героини и её даре «вчувствования» в природу.

Мотив огня и жара впервые возникает в портрете героини на покосе, затем обретает роль символа неборимости любви-страсти. Запретная любовь оставляет отпечаток на гордом лице Акси́ньи (на нём словно тавро *выжжено*), а «бесстыдное *попымя*» любовной страсти проявляет себя мощно и агрессивно в столкновении с Пантелеем Прокофьевичем, и в разлуке с Григорием «в глазах, *присыпанных пеплом* страха, чуть приметно тлел *уголёк*, оставшийся от зажжённого Гришкой *пожара*».

«Огненные» образы становятся знаком истинности и исключительности чувства Акси́ньи, они непременно присутствуют в сценах и авторских описаниях, связанных с Акси́ньей и Григорием. И даже в момент признания Григория в нелюбви к жене присутствие Акси́ньи обозначено «мерцающей кумачной крапинкой костра» в степи. «Крапинкой», из которой вновь разгорается пламя. Во время свидания в зимнем лесу *горят* стыдом и

радостью Аксиньины щёки. Глаза вспыхивают «балованным отчаянным огоньком», а потом «вся в огне и дрожи» она ждёт известия от Григория, и даже боль, вызванная беременностью, боль до *огненных* брызг, не оставляет сомнений в том, что носит Аксинья ребёнка Григория, в её материнской любви – отсвет пламенной любви к Григорию: Аксинья и к дочери прикипала *жгучим* чувством.

Встреча Григория и Аксиньи в Ягодном пронизана антитезными мотивами холода и огня: Григория *бьёт озноб*, а руки *пламенно горячи*; на *красных* губах Аксиньи – *замёрзшая* улыбка. И завершается сцена пейзажной зарисовкой, которая параллельна состоянию Аксиньи, понимающей неизбежность разлуки как расплаты за измену тому чувству, что связало её с Григорием. А мотив огня получает, казалось бы, завершение в мыслях Григория об Аксинье: «*Губительная, огневая* красота её не принадлежала ему». Эта красота подчёркнута вновь автором и в сцене расставания Листницкого с Аксиньей: уходя, он видит в *жёлтом* проёме покинутую любовницу – она смотрит на *огонь* и улыбается. И Степан, вернувшийся на хутор, тоскуя, долго смотрит на текучее стремя Дона, на *огнистый* след месяца на донской воде, и приходит решение вернуть *огневую* Аксинью, начать жизнь заново.

Мотив жара и огня получает продолжение в сцене случайной встречи Аксиньи и Григория на берегу Дона, «по-новому завернувшей» их жизнь и достигает кульминации в описании трёх «*полыхающих жаром*» дней в Вёшенской.

Параллельно с развитием этого мотива есть и другие природные зарисовки. Созвучные ощущениям и переживаниям шолоховской героини (символический образ «*жёлтой стыни*», «солнечный» знак на щеке Аксиньи в сцене в подсолнухах, развёрнутые сравнения с вытоптаннами колосьями и снежной лавиной, пейзажи периода жизни Аксиньи в Ягодном и другие). А открывшееся Аксинье «сокровенное звучание» леса в эпизоде с ландышем не

случайно. Удивительно тонко выписанная картина природы поражает многозвучием, многопредметностью и детальностью, стереоскопичностью авторского взгляда, подчёркивает природность шолоховской героини, а мотивы печали, томительного ожидания, быстротечности жизни и неудовлетворённости желаний распахивают горизонты смысла конкретного эпизода.

Смерть Натальи, отступление вместе с Григорием, тяжёлая болезнь и возвращение в родной хутор, привязанность к детям Григория – всё это изменило Аксиныю, в её глазах увидел вернувшийся домой Григорий не огонёк горячечной страсти, а преданность и *сияние*. Способность Аксины ценить свою семейную жизнь восхищает автора. «В сущности, человеку надо очень немного, чтобы он был счастлив. Аксинья, во всяком случае, была счастлива в этот вечер», – формулирует он главную мысль своего масштабного повествования.

И последний день Аксины отмечен *сиянием* её глаз. Аксинья наслаждается прелестью летнего утра, её настроение удивительно созвучно окружающему миру, и она вновь готова идти за своим счастьем, идти, *бездорожно*, твёрдо веря: «Найдём и мы свою долю!». И вся сцена приобретает двуплановость: в одной плоскости – вера Аксины в возможность обретения «полновесного счастья», в другой – трезвый авторский взгляд, обозначенный словами: «Снова *призрачным* счастьем манила её неизвестность», «мир казался ей ликующим и светлым», ретроспективной и символическим образом венка с цветами шиповника.

Ночной пейзаж, наполненный тревогой и знаками надвигающейся беды, пронзает огненная вспышка, несущая смерть «огневой» Аксинье. Мотив огня и жара получает своё завершение: дневной свет теряет силу, потому что исчезновение символа «Аксинья – огонь, жар», влияет на солнце: оно становится чёрным, а исчезновение параллели последних эпизодов «Аксинья

– свет», делает чёрным не только солнце, но и небо. Жизнь Григория без Аксиньи уподобляется чёрной, выжженной палами степи.

Образ этой героини изумителен в своем драматизме, прямоте и страстности чувства. Именно страстность, мощная, почти звериная эротическая, жизненная энергетика объединяет Григория с Аксиньей – прежде всего на глубинно-натуральном уровне темперамента. Это два великолепных природных экземпляра казака и казачки, причем с ярко выраженным обратным и оттого особенно притягательным половым знаком: он – воплощение мужественности (диковатая красота черных горящих глаз, густых разлетных бровей, коршунычьего носа, упругого сильного тела с густо поросшей шерстью грудью...), она – женственности, магнетической притягательной прелести. Не тепл, а горяч Григорий во всем: в типе эмоциональности, в порывистых реакциях, в неистовых вспышках гнева, в боевой лихости, в любви («Черт бешеный! ... истованный черкесюка» – брат Петро о нем). Аксинью тоже сопровождает образ жара, огня «жгла его полымем черных глаз, эротической неистовости «А и люта же, братцы, баба! На Степке-то рубаху хоть выжми... Прикипела к лопаткам! – Выездила она его, в мылу весь...». При всей огневой доминанте ее эротической природы не чужда ей и такая податливая, ласковая, преимущественно женская стихия, как вода, влага («влажные черные глаза», «В глазах Аксиньи, увлажненных и сияющих...» – тут, к концу романа, появляется еще и свет).

Аксинья естественна, не зажата и моментами даже бесстыдна в своих желаниях, в проявлениях своей чувственной природности – это неотразимо и зажигает мужчин. Казалось бы, в определенной женской типологии Аксинья походит на Дарью: сильной чувственностью, некоторой причастностью к эротическим безднам, даже конкретными чертами облика, подчеркиваемыми Шолоховым, – жаром глаз и рта, «порочно-жадными» губами, покачивающейся в бедрах походкой. Обои писатель лишает материнства. (В самом начале «Тихого Дона» мелькает Дарья, поющая колыбельную

младенцу, который потом бесследно исчезает, надо думать, умирает, как умирает, «не дожив до года», ребенок Аксиньи от Степана, а скарлатина в том же младенчестве уносит дочь ее и Григория), по-разному делая ударение на их выдающихся качествах женщин-любовниц по преимуществу. И, тем не менее, главное и определяющее разводит их: Дарья живет в безличной стихии эроса, являя собой своеобразную казачью гетеру. С равной жаркой благосклонностью реагируя на попадающихся ей на пути мужчин; Аксинья – притом, что она зажигающе-страстна и со Степаном, и с Листницким, – прежде всего, отмечена индивидуальным избранием единственной, абсолютной любви.

Эта любовь Аксиньи и Григория рисуется в романе в скупой череде нескольких ее взлетов. Первое схождение, когда Степан уехал в лагерь. Потом уход Григория от Натальи и совместная жизнь с Аксиньей в Ягодном. Разрыв и только через четыре года новая встреча у Дона. Примирение, одна ночь любви, затем трое суток в Вешенской. Совместное отступление, когда сбылась мечта Аксиньи уехать с любимым. Быть вместе, но уже, ни одной, даже самой целомудренной, сцены эротической любви, а вступают в свои права дорожные лишения, грязь, вши, тиф, и, наконец, короткий тревожный период их любви после возвращения Григория из армии Буденного и в финале новый побег и смерть героини.

Интересно, что Аксинья в любви (не считая, может быть, первого ее периода, когда ее с «бугайной настойчивостью» добивался и добился молодой Гришка Мелехов). Как бы первична – увлекает, зажигает, раздувает огонь страсти. Особенно это становится очевидным ко второй половине романа, когда ее возлюбленный прошел через такие ужасы, душевное опустошение, взвалил на себя такие тяжкие грехи, каких не знает Аксинья. Через несколько лет после катастрофы их отношений они снова встречаются у Дона, их «многолетнее» чувство вспыхивает с новой силой, но кличет Григория сама Аксинья, и уходят они вдвоем на ночь «в степь, манившую

безмолвием, темнотой, пьяными запахами молодой травы», – тут их любовной стихии, словно тесна горница, нужна сама природа... Но что думает Григорий на следующий день, уезжая в дивизию? «Ну вот, опять по-новому завернулась жизнь, а на сердце все так же холодновато и пусто... Видно, и Аксютка зараз уже не сумеет заслонить эту пустоту».

А при новой встрече в Вешенской это она «обвилась диким хмелем», «осыпая короткими поцелуями нос, лоб, глаза, губы» Григория. Неотрывно гладила его, говорила «несказанно-ласковое, милое, бабье, глупое», «у нее на щеках все сильнее проступал польшущий жаром румянец, и словно синим дымком заволакивались зрачки», – Шолохов выразительно рисует именно ее проявления чувств, ее, истинной носительницы зажигающего эроса, увлекающей любимого в мощный выплеск страсти, оргию чувства и чувственности. На руинах жизни, в постоянной угрозе навеки потерять любимого, горит огонь ее безоглядного и абсолютного эроса. Мощный контраст создает писатель в этой сцене: красные наступают на пятки, вокруг паника, суматоха, бегство, безумие, светопреставление, а они – на якоре своей любви, на жгучем острове страсти, где нет никого и ничего, кроме них двоих. И когда на третьи сутки Григорий выныривает из этого сладкого, одуряющего омута, решая съездить в Татарское, «разузнать, где семья». Аксинья в полной мере обнаруживает свои претензии на абсолют: или только она у него и с ним или... «Езжай! Но ко мне больше не являйся! Не приму. Не хочу я так!.. Не хочу!».

В финале «Тихого Дона» это требование и жажда абсолюта, которые обнаруживают глубины любви, еще раз прямо высказываются Аксиньей: «Везде пойду за тобой, хоть на смерть!». Кстати, только такая любящая женщина смогла наиболее точно определить положение Григория в тисках судьбы и лихого времени: «Никакой он не бандит, твой отец, – объясняет она Мишатке. – Он так... несчастный человек». И эту почти формулу Мелехова писатель недаром припас читателю к самому концу, к итогу романа. Но тот,

же финал «Тихого Дона» гениально обнажает всю иллюзию обретения такого абсолюта в условиях земной любви и смертных земных обстоятельств. «Снова призрачным счастьем манила ее неизвестность» – Аксинья переживает взлет радости, но сколь кратким оказался этот миг! На полянке, пока спит Григорий, Аксинья то обрывает «губами фиолетовые лепестки пахучей медвянки», то нарывая «большую охапку» «душистых пестрых цветов» и плетет из них «нарядный и красивый» венок, воткнув в него еще «несколько розовых цветков шиповника». На последнее прощанье с героиней Шолохов щедро и тонко, предвосхищающе ведет мотив цветов, так таинственно близко стоящих и к высшей красоте видимого физического мира, и к его пахучести, но и к быстротечности явлений этого мира, да и к человеческому гробу и могиле, всегда усыпаемым теми же цветами.

Представляя Аксинью своего рода эталоном «любовной красоты» казачки, читатели (а вслед за ними и некоторые исследователи) чаще всего сравнивают её с языческими богинями (Афродитой, Венерой, Астартой и так далее). Действительно, в любви Аксинья в чём-то сродни языческим богиням. Яростная коловерт её страстей буквально завораживает, ослепляет, уводя на второй план, в так называемый внутренний сюжет, иные романские образы казачек.

В самом деле, Шолохов мастерски использует почти весь арсенал средств, которым пользовались языческие богини и их жрицы в любовной практике. Сцены встреч Аксиньи с Григорием почти всегда сопровождаются «природными стихиями». Шолохов постоянно обновляет накал страстей между ними, то, разлучая, то вновь сводя их. Трудно вспомнить цветы, которых бы автор не бросал на алтарь любовных чувств Аксиньи. И постоянно смущает подтекст. Если это ландыши, то уже отцветающие, если листья, то «прошлогодние», тронутые тлением, гниющие. Если красота, то «губительная», если любовь, то «маняще-порочная». И уже не случайным представляется в самом начале романа предупреждение: «Не лазоревым

алым цветом, а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветёт поздняя бабья любовь». Переключка с иной (не христианско-православной) культурой здесь явная: афродизиаки широко использовались служительницами языческих храмов в практике приобщения мужчин к божественным ценностям. Не хуже «цветов Афродиты» возбуждали Григория «порочно-зазывающий взгляд» Аксиньи. Её «порочно-жадные красные губы». «Припухшие, слегка вывернутые, жадные», «зовущие, слегка вывороченные, порочно-красные».

«...Постоянно подчёркивает Шолохов «исступлённость», «неистовство», «бесстыдство» чувств этой героини. Вот Аксинья, провожая мужа на службу, «держась за стремя, снизу вверх, любовно и жадно, по-собачьи заглядывала ему в глаза...»¹. Проводив Степана, уже с Григорием «неистовствовала в поздней горькой своей любви». При этом «так необычайна и явна была сумасшедшая их связь, так исступлённо горели они одним бесстыдным полымем», что смотреть на них «было срамно»

Мир в сознании Аксиньи излишне четко делится на «мое» и «чужое». И она постоянно это деление подчеркивает. В той или иной мере каждый человек и социальная группа делит мир на «своих» и «чужих». Объем каждой из этих групп определяет взгляд на мир: чем больше «своих», тем дружелюбнее мир. И наоборот. У Аксиньи «свой» – один, весь остальной мир враждебен: «Кроме Гришки нету у меня мужа. Никого нету во всем свете»; «У тебя хоть дети, а он у меня один на всем белом свете». Потому так яростно и защищает Аксинья «свое»: мой, им владею, не отдам, не лезь.

Цель Аксиньи: искутить – завладеть – беречь, не отдавать: «Одно она решила накрепко: Гришку отнять у всех, залить любовью, владеть и как раньше». Но любовь перерождает и ее. В ее речи появляются слова жалости и ласки. Она сулит Григорию любить его и жалеть. «Гриша, дружочка моя...

---

¹ Федь Н. Художник и власть.- М., 1994. - С. 191.

родимый... давай уйдем. Кохать тебя буду, жалеть». Жалеет осиротевших Натальиных детей «Только детишек жалко, а о себе я и «ох» не скажу».

«... Скучали, спрашивали – где батя? Я с ними по – всячески, все больше лаской»; «... А Михаил ничего с ними обходился, ласково». И Григорий, вспоминая Аксиныю, представляет ее такой: «Вот она поворачивает голову, озорно и любовно, из–под низу разит взглядом огнисто–черных глаз, что–то несказанно–ласковое, горячее шепчут порочно–жадные красные губы...».

Через всю жизнь пронесла Аксиныя любовь к Григорию, сила и глубина ее чувства выразилась в самоотверженности, в готовности следовать за любимым на самые тяжкие испытания. Во имя этого чувства она бросает мужа, хозяйство и уходит с Григорием батрачить к Листницким. Во время Гражданской войны она идет за Григорием на фронт, разделяя с ним все невзгоды походной жизни. И в последний раз по его зову, она покидает хутор с надеждой найти вместе с ним свою «долю» на Кубани. Вся сила характера Аксиныи выразилась в одном всеохватывающем чувстве – любви к Григорию.

К концу романа герои пройдут свой путь «хождения по мукам», разрушится, курень Мелеховых опустеют двory Астаховых Коршуновых. Испытания, несчастья и смерти не обошли никого из героев эпопеи.

И всё же жизнь продолжается. При всём трагизме роман не оставляет в душе читателя чувство обреченности. Один из секретов такого финала уже назывался: появление ребёнка. Другой - особая функция романа, женские образы и вся их природа. Шолоховские героини воплощение мужества, красоты и добра, они реалистичны и не являются индивидуальным открытием автора «Тихого Дона», хотя и используются им сполна.

Шолохов составляет особый сюжет – символ жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Время вносит свои поправки в образ Шолохова – художника и человека, вносит оно изменения и в трактовку героев его произведения. Но какова бы ни была эпоха, ясно одно – «Тихий Дон» – это шедевр русской литературы.

Эта книга останется вечной и актуальной из-за правдивости Шолохова – писателя. Он был большим художником, чтобы пожертвовать действительностью ради идеологических соображений, Михаил Александрович выступает лишь как заинтересованный наблюдатель людей и событий. Но позиция автора видна через моральную оценку героев, которую он доносит посредством портретной характеристики, внутреннего монолога, диалога героев, косвенной, или несобственно-прямой речи, а чаще всего с помощью их поступков. Причем писатель всегда объективен.

«Тихий Дон» поражает гармоничностью и завершённостью глав, каждой в отдельности и тома в целом. Начинается ли глава авторским описанием, внутренним монологом героя, диалогом действующих лиц, все её нити стягиваются к особой форме психологического анализа, выступающего неизменно в виде несобственно-прямой речи.

Шолохов – еще и мастер диалога, монолога. Речь его персонажей отражает особенности из жизненного уклада, среды, характеров.

Шолохов создал широкое повествование, вобравшее в себя множество индивидуальных судеб, неповторимых характеров, насыщенное массовыми сценами. Сохраняя широту изображения, многосторонность охвата явлений действительности, Шолохов раскрывает внутренний мир человека.

Ясному и глубокому замыслу подчинена композиция «Тихого Дона». Лирические описания, развёрнутые диалоги, дневники, письма, приказы, исторические документы, многообразие действующих лиц, главных и эпизодических - всё это художественно выражает основную цель романа: люди, трудящиеся массы и конечно любовь, без которой нельзя прожить в любое время.

Разрешение основных конфликтов произведения при трагическом завершении сюжета выражает композиционное искусство Шолохова, показавшего противоречивые судьбы героев как участников всемирно-исторических событий, дела людей, в муках и крови завоевавших право строить новую жизнь.

Женские образы романа - это воплощение единства народной жизни, отражение философского осмысления гармонии мира и человека. В романе «Тихий Дон» слились воедино многочисленные реки и ручейки русского национального мироощущения, которое зародилось в древности, расцвело в классический период русской культуры и во многом исчерпало себя в XX веке.

Важнейшим показателем качества духовной жизни (не только сообщества в целом, но и отдельного человека) является, по общему признанию, эмоционально-чувственная сторона отношений между мужчиной и женщиной. Причём «напряжённая диалектическая взаимосвязь» чувственного и духовного в культуре наилучшим образом выражается через женские характеры, их любовные переживания, поступки, что часто используется авторами художественных творений для развязки или обострения различных коллизий в межчеловеческих отношениях. Поэтому особое место занимает в романе его любовная линия.

Одной из сюжетобразующих линий (если не главной) является развитие взаимоотношений Григория Мелехова с двумя женщинами - Аксиньей и Натальей. Любовная линия романа определяет не только сюжет, но и направление развития характеров героев, их внутреннюю жизнь.

Роман «Тихий Дон» – это произведение и о жизни целого народа, соотнота – донского казачества. Национальные черты определяют и особенности повествования, и смысл заглавия, и, конечно, средства создания

образов. В Аксинье, Наталье, Ильиничне, Дуняше отражено все лучшее, что видел автор в женщинах-казачках, которые не только хранили семейный очаг, но и были настоящими помощницами и «берегинями» приграничного казачьего воинства.

В сложном, порой беспощадном борении нравственного и безнравственного, прекрасного и безобразного, созидательного и разрушительного в любви шолоховских героинь глубже и рельефнее развёртывается перед читателем духовно-бытовая культура уникального соотнosa русской нации — донского казачества. Но автор не ограничивается лишь общим в женских характерах. С предельной субъективностью рисует Шолохов, как самобытную притягательность женщин-казачек, так и их трагическую участь в эпоху ломки традиционно-православного уклада жизни, разрушения патриархальной казачьей семьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Каримов И.А. Гармонично развитое поколение - основа прогресса Узбекистана. - Ташкент, 1997.
2. Бирюков Ф.Г. Художественные открытия Михаила Шолохова. – М., 1980.
3. Бирюков Ф.Г. Мастер речевых характеристик. // Русская речь. 1987. - № 1. – С. 31-40.
4. Бирюков Ф.Г. Художественные открытия М.Шолохова. // Современник, 1976. - № 5.
5. Голубков М.М. Русская литература XX века. - М., 2003.
6. Дайреджиев Б. О «Тихом Доне». – М., 1962.
7. Интернет-ресурсы: сайт Михаила Шолохова. www.vikepedia.
8. Кременцов Л.П. Русская литература XX века: В 2 т. Т. 1. – М., 2005.
9. Круглов Ю. Великий писатель Земли русской. // Слово. 2000. - № 4. – С. 9-14.
10. Кузнецов Ф.Ф. Русская литература XX века. Часть 1. - М., 1996.
11. Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. - 750 с.
12. Небольсин С. Шолохов, Пушкин, Солженицын. // Наш современник. 1992. - № 5. – С. 177-186.
13. Палиевский П. Шолохов сегодня. // За строкой учебника. – М.: Молодая гвардия, 1989. – С.230-238.
14. Романова Г.И. Русские писатели XX века. – М., 2005.
15. Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. – М., 2000.
16. Симмонс Э. Он избрал свой путь. // Вопросы литературы. 1990. - № 5. – С. 40-62.
17. Соколов Б.В. Донская волна в «Тихом Доне». // Вопросы литературы. 1990. - № 5. – С. 3-24
18. Сухих И. Одиссея казачьего Гамлета. // Звезда. 2000. - № 10.
19. Трубина Л.А. Русская литература XX века. - М., 2003.
20. Федин К. Слово о Шолохове. – М., 1973.

- 21.Федь Н. Обреченная любовь. // Слово. 1998. - № 3. – С. 89-106.
- 22.Федь Н. Парадокс гения. // Молодая гвардия. 1995. – №3. – С. 254-264.
- 23.Федь Н. Художник и власть. // Молодая гвардия. 1994. - №3.
- 24.Хватов А.И. На страже века. – М.: Современник, 1975.
- 25.Хватов А.И. Художественный мир Шолохова. – М., 1978.
- 26.Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 8-ми томах. – М., 1980.
- 27.Якименко Л.Г. «Тихий Дон» М.Шолохова. – М., 1998.
- 28.Якименко Л.Г. Избранные работы: в 2-х т. – Т.2. – М., 1982.
- 29.Якименко Л.Г. Творчество М.А.Шолохова. – М., 1977.
- 30.<http://www/lib.ru>